

НИКОЛАЙ
ДАМДИНОВ

ИЗБРАННЫЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Н. Дамдинов

РНБЧ

Д 16

НИКОЛАЙ

ДАМДИНОВ

ТОМ ВТОРОЙ

КИНОПОВЕСТЬ

ДРАМЫ

ПЬЕСЫ

ПОВЕСТИ

ЭССЭ

РАССКАЗЫ

СКАЗКИ

ПЕРЕВОДЫ

**Отдел
краеведческой
литературы НБ БГУ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОАО «РЕСПУБЛИКАНСКАЯ ТИПОГРАФИЯ»
УЛАН-УДЭ • 2007

ПОРА ТАЕЖНОГО ПОДСНЕЖНИКА

Киноповесть

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Глубокой ночью к небольшому убулжону – зимнику – подъехали два всадника. В полумраке на просторной поляне у подножия горы еле различаются приземистые избушки, коровник, изгородь.

– Вот мы и дома, – выдохнул один из всадников, устало слезая с коня. Тихо звенят стремяна, негромко заржали кони, почуя тепло человеческого жилья. С лаем подбежала собака. Однако, узнав одного из всадников, она умолкла, завильяла хвостом, обнюхивая грязные холодные сапоги.

На стук в дверь первым проснулся глава дома, старый Ахсай. Неспешно встает он с низенькой широкой деревянной кровати, подкрадывается к двери и слушает. Стук повторился. Но старик не откликается – пусть ночной гость заговорит первым. Кто знает, кого могло занести в такую глушь и еще в такую позднюю пору,

– Открой! Чего притаился у двери! – раздается грубый голос.

Старик отшатнулся, обрадованно вскрикнул:

– О святая Дара-Эхэ! Гылык приехал! Скорее огня!

Вспыхивает огонек. Дверь открывается, и двое мужчин в военных шинелях входят в теплый низенький дом.

– А ты все такой же, отец! – без особого удивления говорит Гылык, подставляя небритую щеку.

Радостное оживление в доме. Встает со своего жесткого ложа мать, Жалмасу. Просыпается в углу древняя старушка, дальняя родственница Ахсая, доживающая свои дни. Мать Гылыка, Жалмасу, женщина лет пятидесяти, от радости не находит слов. Она то кидается к очагу, берется за дрова, то бросает все и снова идет к сыну, чтоб хоть дотронуться до него.

А древняя старуха – шабганса торопливо и многословно выражает свои чувства:

– Довелось и мне посмотреть на сына своего племянника. А я думала, не увижу. Собираюсь в страну предков, жду, когда меня призовет всевышний тэнгэри. Ох, забыли меня, видно, там!

Изборожденное морщинами лицо шабгансы расплылось в умильной улыбке:

– Ты только посмотри на сына, Ахсай. Одежда-то блестит золотом. Большим начальником стал, Гылык?

Гылык досадливо морщится.

А старый Ахсай, стараясь скрыть свою гордость, приветливо обращается к товарищу сына:

– Дорогой гость, проходите на хоймор¹. Очень рады мы. Два года сына не видели. Не так ли, Гылык?

Но Гылык хмур, неразговорчив. Он оглядывает родной дом и тихо спрашивает:

– А где Дынсема?

Виновато заморгала глазами мать. Юркнула под старую изношенную шубу, заменявшую одеяло, старая шабганса. Только отец спокойно усмехнулся:

– Что с ней сделается? Спит в телятнике. Нынче у нас много телится коров. А она любит за ними ухаживать.

– Любит... ухаживать... – зло повторил слова отца Гылык. – Что ж ты стоишь, отец? Прикажи, чтоб эта убралась, только живее!

Недовольно взглянув в сторону шабгансы, Гылык выходит.

– Ну, старая, придется тебе расположиться у выхода. Когда позовут тебя предки, ближе будешь к ним, – ворчит старый Ахсай.

Гость прячет под усами едва приметную улыбку.

В телятнике темно. Телята уютно свернулись на усыпанном сухим кизяком полу. В углу возвышается небольшой топчан, где и спит Дынсема, жена Гылыка. Услышав, как тихо стукнула дверь, Дынсема испуганно приподнимается:

– Кто там?

– Это ты, Дынсема? Темновато у тебя тут, прямо подземное царство Эрлик Хана.

– Гылык, ты? – В голосе Дынсемы неуверенность.

¹ Х о й м о р – почетное место для гостей.

Сильными руками обнимает Гылык еще теплую со сна молодую жену.

– Ай, как холодна твоя одежда! – Дынсема пытается вырваться, но замирает в объятиях мужа.

– Однако тут у тебя тепло и уютно, – после довольно долгого молчания произносит Гылык. – Знаешь что: скажи отцу, чтоб не ждали, да прихвати что-нибудь укрыться. Поговорим... Расскажешь все...

Дынсема, накинув на себя шубенку, выходит.

Гылык встает, оглядывает телятник. Подходит к теленку и, присев на корточки, гладит его:

– Ну, что? Приехали, слава Эсэгэ-Малану! Живые... Да... Живые...

Неслышно возникает из полутьмы Дынсема и робко дотрагивается до его плеча:

– Я пришла...

Выходит из главного дома товарищ Гылыка, коренастый, крепкого телосложения. Он зябко поеживается, смотрит на небо, усеянное звездами. Быстро оглянувшись на дом, крадучись, подходит к двери телятника и вслушивается. Затем отходит, качая головой и лукаво посмеиваясь...

Морозный, но уже по-весеннему яркий день. Колючий, начавший подтаивать снег. Кругом – горы.

Растянувшись цепочкой, движется небольшой – человек десять всадников – отряд. Усталые кони с трудом переступают под седоками и поклажей, притороченной к седлам. Крутой взгорок. Под одним из бойцов, споткнувшись, падает конь. Напрасно пытается боец поднять надорвавшегося в пути коня.

Весь отряд собрался вокруг издыхающей лошади.

– Еще одна...

Расталкивая тесно сгрудившихся людей, подошел худощавый мужчина лет сорока, в довольно старой, но ладно сидящей на нем куртке.

– Что же, Содном. Возьмешь гнедого, – хмуро сказал он и, медленно окинув взглядом возвышающиеся вокруг горы, пошел вперед, к своему коню. Это командир отряда Ширеторов.

Двое бойцов в островерхих буденовках снимают груз с гнедого. Это последняя запасная лошадь отряда.

– Коням надо отдых дать...

– Никакого жилья! Проклятые места!

– Наверно, скоро сами все передохнем! Назад надо было идти, назад, – мягким увещевающим голосом говорит боец в старой беличьей шапке.

Тяжелый взгляд командира заставляет бойца умолкнуть.

– Вперед!

И отряд упрямо продолжает путь.

Оставшись один, Содном решительно снял с плеча винтовку, щелкнул затвором. На какую-то долю секунды заколебался, встретив устремленный на него взгляд – умный, страдающий взгляд коня. Выстрел. По лицу человека катятся слезы...

Дымится на столе наваленное горой вареное мясо. За столом Гылык со своим товарищем и старик Ахсай. Ахсай то и дело разливает из берестяного туеска архи – молочный са-могон. Мужчины пьют, кивая друг другу, желая взаимно доброго здоровья. В узенькое окно заглядывают лучи солнца.

Женщины хлопочут. Жалмасу занята у очага, а Дынсема добавляет мяса в большую чашу на столе. Только шабганса сегодня без дела. Непривычно тихая, она сидит в углу около двери, перебирая четки и шевеля губами, шепчет молитву.

– Отдыхайте на здоровье, набирайтесь сил. – Ахсай пододвигает гостю чашу с мясом. – Всего-то четыре дня прошло, как приехали.

– В наше время это уже много, – возражает гость.

– А я живу вот на этой земле седьмой десяток, – говорит Ахсай. – Все так же стоит бурятская земля, все так же всходит и заходит солнце... Год для меня похож на один большой день. Что может произойти за день или за год?

– Очень многое... – Голос Гылыка задумчив. Он и его товарищ уже сняли форму, в которой были ночью, когда приехали. На них теперь брюки из мягкой кожи и старые, но хорошо выстиранные рубашки.

Скрипнула дверь, и вошел продрогший мальчуган лет двенадцати в дырявом зипуне. Сразу потянулся к огню, едва не засовывая обе руки прямо в пламя.

– Абида, поди сюда, покушай, – нежным голосом зовет его в угол Дынсема, осторожно косясь на Жалмасу.

Жалмасу, обычно, как видно, строгая, немножко подобрела за эти дни (сын приехал!). Подала Дынсема чашку:

– Да, да, накорми его... Он проголодался.

– Замерз ночью? – Дынсема выбирает куски мяса, кладет их в чашку и усаживает мальчика кушать. – Ешь... Погрейся...

– Хе-хе-хе! Жалеет брата! Пригревает! – хихикнула из своего угла шабганса.

Ахсай и Жалмасу нерешительно смотрят на сына и на гостя, выжидая, как те отнесутся к словам старухи. Не слишком ли много, на самом деле, позволяет себе дрянной мальчуган, кушая в присутствии Гылыка и гостя? Но сын, Гылык, пропускает мимо ушей замечание шабгансы. А гость весело хохочет:

– Бери, бери, мальчик. Зачем на старух оглядываться? Теперь у вас в доме маленькая революция. Была, как видно, твоя сестра до прихода мужа работницей, а сейчас стала хозяйкой. Нынче везде так. Революция! – с неожиданной злостью кончает он.

– Ну, Абида, вырос, вижу. А пришел ко мне со своей сестрой – был совсем как щенок. – Гылык чуть заметно улыбнулся. – Значит, табунщиком стал? Лошадей пасешь?

– Да, табунщиком... – Абида смущен: он не привык быть центром внимания.

– Где ты пас этой ночью?

– Далеко. У склона Западного холма.

– Волков не видно?

– Волков не видел, но видел много конных людей, человек десять...

Товарищ Гылыка застывает, не донеся до рта куска мяса.

– Где они? Куда едут? – одновременно вырывается у обоих.

– Не знаю. Не то заблудились, не то устали: ночь они провели за дальним холмом. Развели костер и грелись. Меня они не заметили, а сам я подъехать боялся.

Гылык и его товарищ переглянулись.

– Что ты скажешь об этом, Галсан?

У Галсана (так зовут спутника Гылыка) в голосе сквозит затаенная надежда:

– А может быть... это наши?

Гылык обернулся в сторону товарища. В глазах его злая усмешка:

– На-ш-ши?! Далеко теперь наши! К границе бегут, в Маньчжурию.

Оба они, усилием воли сохраняя спокойствие, заставили себя съесть еще по куску мяса. И, как бы открывая небольшой военный совет, Гылык начал, с трудом подыскивая слова:

– Других зимовий близко нет. А этим людям сейчас, я думаю, нужен отдых...

– Вернее, их коням, – вставил Галсан.

– Они ищут жилье... – продолжал Гылык.

– И скоро будут здесь, – добавил товарищ и встал: – Спасибо, хозяин, нам пора.

Гылык тоже встал. Острым, как нож, взглядом обвел своих:

– Слушайте, вы! – с тихой угрозой в голосе произнес он, и все замерли на своих местах. – Чтоб никто ни звука о нас. Нас тут не было, и вы ничего не знаете. Понятно?

Удивленные резкой переменой тона Гылыка, домашние молчат в оцепенении.

– Ну, если так надо... нам-то что... мы будем молчать, – за всех отвечает старый Ахсай.

Абида подводит к дому двух коней, накормленных и отдохнувших.

Гылык и его спутник стали даже как бы ниже ростом: вместо шинелей на них простые старые полушубки, только винтовки на плечах придают им воинственный вид.

– Здесь они долго не задержатся, – обратился Гылык к отцу. – Потерпи. А табун угони подальше. Ездить ко мне будет Дынсема.

– Худые времена, – сокрушается старик. – Хозяин бежит от родного очага...

– Время невеселое, – соглашается Гылык.

Галсан с помощью женщин приторачивает к седлу что-то тяжелое, завернутое в тряпки.

– Какая тяжелая вещь, – замечает удивленно Жалмасу.

– Зато смерть от нее легкая, – скупая усмешка кривит губы Галсана.

Гылык жестом подзывает к себе Дынсему. Преданно смотрит она в глаза мужу – хозяину и повелителю. Каждое его слово для нее закон.

– А жить мы будем с другом в горах. Помнишь охотничью землянку, – тут голос Гылыка потеплел, – где мы с тобой когда-то раз задержались?..

– Помню, – прошептала Дынсема, потупившись.

– Поняла?

– Да.

Кони бодрой рысью скрываются за деревьями, унося двух привычно сидящих в седле мужчин.

ГОРЬКАЯ ДОЛЯ

В дом входит Жалмасу, на лице ее – растерянность. Она не может выговорить ни слова, хочет убрать со стола – посуда валится из рук. Подходит к божнице в углу, начинает молиться, но тут же руки ее бессильно падают вдоль тела.

– Сын мой... Кому ты сделал зло, от кого прячешься?.. Ох, не к добру все это, – шепчет она.

– Что с ним сделается! Молодость – вот и бесятся, – рассудительно замечает шабганса.

Она неторопливо свертывает свою постель и ковыляет с ней на старое место:

– Думаю, Гылык приедет теперь нескоро. Мне у дверей холодно, а покидать этот мир пока не хочется. Дынсема пусть перебирается к своим телятам. «Хозяйка»! Ишь ты!

Жалмасу, возмущенно следившая за действиями старухи, подбегает к ней, хватая за плечо, задыхаясь:

– Забрал бы тебя черт в преисподнюю! Только несчастья навлекаешь!

– Ай, ай, ай! Бога побойся! Бога! – Старуха со зловецим видом указывает в угол, где находится божница – небольшой стол, а на нем шкафчик с несколькими полочками. На полочках за стеклом тускло сияют бронзовые божки.

Опомнясь, Жалмасу отпускает плечо шабгансы:

– Делать вам нечего! Пищу даром переводите!

– О, услышь, всевышний тэнгэри! Это я-то даром?! – Глаза у старухи вспыхивают молодо и зло. – Да я, как старая собака, сторожу каждый кусок мяса! Не будь меня, Дынсема с Абидой растащили бы весь скот! Обидела ты меня, Жалмасу, обидела!

В дверях показался Ахсай. Кряхтя, втащил в дом березовую слегу. Посмотрел на женщин, прикрикнул:

– Опять лагаетесь, как собаки над костью!

И, расположившись около очага, начал плотничать. Старый Ахсай мастер своего дела: острый топор ловко мелькает в его жилистых руках.

Жалмасу убирает со стола объедки, кидает их в огромный деревянный чан. Тяжело ей. Жалко ей и сына, который невесть с чего вынужден прятаться от людей, жалко и себя, и мужа. Она-то знает, почему так усердно машет топором Ахсай: ему тоже не по себе. И, проходя мимо Ахсая, она – на свою, как выяснилось тут же, голову – участливо спросила:

– Скоро лето, а ты сани готовишь?

Шабганса, обрадованная возможностью выказать свою мудрость, перехватила ее вопрос:

– Весной дерево податливей, значит, и гнуть его легче! Разве не знаешь?

На что Ахсай, довольно усмехаясь, изрек:

– Волосы у тебя, жена, длинные, а ум короткий. Верно говорит шабганса. Пропала б ты без нее.

Дынсема гонит коров на водопой. По узенькой дорожке гуськом тянутся они к реке. Земля на открытых местах пестрая от многочисленных проталин. Ярко светит солнце, перевалившее за полдень.

Коровы уже ступили на лед реки. Во льду, шагах в пяти от берега, – длинная прорубь, здесь поят коров, отсюда же Ахсаевы берут воду. Вдоль берега поверх льда струятся ручейки – веселые вестники весны.

Дынсема задумчиво стоит у берега с прутиком в руке и время от времени отгоняет напирających сзади, отставших коров, чтобы дать напиться подошедшим раньше.

Отставшие коровы толпятся у узкого прохода к проруби на берегу. Одна из них нетерпеливо уходит по крутому берегу дальше и спускается на лед как раз в том месте, где в реку впадает незамерзающий зимой ключ. Дынсема спохватилась слишком поздно – слышится треск льда.

– Абида! Скачи сюда! Корова тонет! – закричала она отчаянным голосом.

Абида в это время находился около своего коня. Услышав крик, он сразу вскочил в седло и помчался на помощь. Но крик Дынсемы услышал и Ахсай. Конь его, как всегда, у коновязи. На ходу застегивая шубенку, выскочил Ахсай из дома, проворней юнца сел на коня и поскакал вслед за мальчиком.

Дынсема не знала, что и делать: подбежав к тому месту, откуда сошла на лед корова, она успела увидеть лишь исчезающие под водой большие рога – течение затянуло корову под лед.

– Что у тебя тут, сестра? – не успел Абида соскочить с коня, как обоих заставил вздрогнуть озлобленный окрик:

– Что случилось?!

Дынсема стоит, опустив голову. Она еле находит в себе силы показать на взломанный лед.

– О, горе! – Ахсай задыхается от ярости. – Я ночей не сплю, жизни своей не жалею, а ты – мое добро топить?! Нет! Я сначала тебя утоплю! – не помня себя от ярости, старик соскочил с коня, схватил Дынсему за длинную косу и начал стегать кнутом.

Подбежал Абида.

– Ахсай-аба! Пожалейте сестру!

Но вот Абида услышал, как у Дынсемы вырвались глухие рыдания; забыв о страхе, он подскочил к старику, повис на его руке и впился в нее зубами. От удара взбешенного Ахсая мальчик кувырком летит на землю. Теперь старик безжалостно пинает его.

Шабганса сосредоточенно рассматривает баранью лопатку, держа ее против огня. Лопатка начисто обглодана, и в ней видны какие-то узоры, темные пятна и чистые белые места.

– Ты не ошиблась, Жалмасу? Лопатка от белого барана?

– Не ошиблась, а что? – тревожно спрашивает Жалмасу.

– Темны годы, которые он провел вдали. Неведомо нам, что делал и где он был, – вот почему темно.

Старуха поворачивает лопатку и пристально разглядывает ее боковое ребро, напоминающее тропинку, сбегаящую с горы.

– Неровна его тропа, опасна. Понятно и это: мужчина!

– А когда он вернется?

– Не все открыто глазу. Есть и явное, есть и тайное...

Рывком открыв дверь, входит Ахсай. Жалмасу тотчас начала усердно кидать щепки в огонь, а шабганса сделала вид, что гложет баранью лопатку.

– Корова утонула! А вы тут... гадаете!

На берегу реки сидят Дынсема и Абида. Абида весь избит, но, словно забыв об этом, участливо смотрит на сестру.

– Вот всегда они так... Больно? – Он берет в руку косу сестры.

– Отрезать бы косу! Одни несчастья из-за нее. Если бы не обычай...

Дынсема о чем-то глубоко задумалась.

– Нет, сестра, с косой лучше, – утешает ее Абида. – Приятно смотреть.

– Приятно? Этим тоже, думаешь, приятно смотреть?

– Не говори так. Вот я вырасту, стану сильным-сильным и тогда отомщу за тебя.

– Ах ты, милый мой батор! Если бы тебя на свете не было, я бы давно... – Дынсема задумчиво смотрит на ледяную гладь реки. – Может, из-за тебя только и живу.

Дынсема не заметила, как у Абиды глаза наполнились слезами и вот уже первые капли падают на черную, освободившуюся от снега землю около ее ног.

– Ах, что я болтаю, словно с ума сошла! Тебе давно пора. Видишь, солнце уходит за гору...

Абида уже не в силах скрыть слез. Он бежит к коню, привязанному в кустах, садится на него и, сильно стегнув, вылетает по льду на середину реки.

Вдруг он резко осадил коня и, обернувшись к сестре, показал рукой на запад.

Дынсема вскочила и подбежала к самому краю обрывистого берега. Смотрит, куда указывает Абида.

И видит медленно приближающихся людей, которые, имея лошадей, почему-то идут пешими, ведя лошадей за поводья.

Абида поворачивает своего коня. Уже на берегу, стоя рядом с сестрой, он взволнованно произносит:

– Это они!

– Кто?

– Не знаю. Они, вчерашние, которых я видел.

Дынсема потянула брата за руку и поспешила домой. Не очень охотно направил коня вслед за ней и Абида.

Десять уставших людей, с винтовками за спиной, ведя спотыкающихся и хромающих лошадей, ступили на речной лед с противоположного берега.

В ОХОТНИЧЬЕЙ ЗЕМЛЯНКЕ

Горы. Угрюмый хвойный лес, звериные затейливые тропы. Сооруженная когда-то на скорую руку охотником землянка. Строитель ловко использовал крутой каменистый склон горы: ему достаточно было срубить только фасад жилища – остальная часть его уходит в естественное углубление.

На взмыленных конях подъезжают к землянке Гылык и его спутник.

– В таких местах только нечистым жить! – Галсан недовольно морщится.

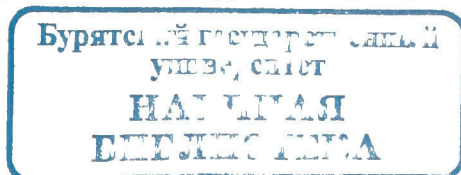
– Иногда и люди здесь ночуют.

– Какой дурак сюда заберется?

– Хотя бы мы с тобой, – со злостью отвечает Гылык.

– Ну, мы-то с тобой... – начал было Галсан, но вдруг застыл, весь превратившись в слух. – Послушай...

Из землянки раздавались монотонные звуки, напоминающие не то плач, не то бессмысленный смех. Слегка побледнев, Гылык снял с плеча винтовку, то же самое сделал Галсан. Молча переглянулись, и Галсан, как бы застыдившись, первым соскакивает с коня.

Внутренность землянки молчаливо повествует о том, сколько здесь было зажарено мяса убитых оленей, как давно проходил здесь последний охотник. Оставленный кем-то старый медный котелок. Рога, прибитые к стене. Пустые гильзы от патронов.

На земляном полу сидит седой старик и монотонно напевает молитву:

– Грехи мои достигли множеством числа морских песчинок... Молю тебя, всемогущий бурхан, и верю: отпустишь их ты, когда предстану перед твоим судом... За то, что я, ничтожный человек, осмелился вкусить земных наслаждений, забывая в те мгновенья твой светлый образ, я заслужил презрение твое и гнев. Молю тебя, всемогущий бурхан, и верю: простишь ты мне мои грехи и пустишь меня в небесное царство...

Глаза старца полузакрыты, он весь ушел в молитву.

Галсан и Гылык, убедившись, что им не угрожает опасность, смело входят в землянку, однако винтовки держат наготове.

– Ты что? Грехи замаливаешь? – тронул старика за плечо Гылык.

Тут только прервал молитву старик и недоумевающе посмотрел на вошедших.

– Однако, мудрец, тебе придется убраться! Мы будем здесь жить! – нагнувшись, крикнул в ухо старику Галсан.

– Пришли, наконец, за мной посланники бурхана Шигемуни, – встрепенулся старик, и его лицо просветлело. – Наконец-то мои молитвы достигли его стопы! Я готов!

Галсан отшатнулся, ибо на него смотрели глаза безумца: кроткие, любящие глаза.

– Я знаю, ты за мной! Идем! – Старик покорно встал и, тронув Галсана за рукав, потянул к выходу.

Галсан хотел было воспротивиться, но усмешка на губах товарища подстегнула его. Он хлопнул старика по плечу:

– Ладно, идем!

Гылык не спеша осматривает землянку. Он доволен: тут можно жить. Пробует, насколько прочно стоят стены. Но вот что-то на столбе, подпирающем потолок, привлекло его внимание. Подошел ближе. На столбе виднелись коряво выведенные сверху вниз буквы. «Гылык... Дынс...» – прочитал он, и ему вспомнился далекий день погожей осени...

...В раскрытую дверь землянки светило солнце. В углу лежала и плакала совсем юная Дынсема. Около дверей валялся

туесок с ягодами, а Гылык, тоже молодой, в легком тэрлике, ножом выводил на столбе буквы.

– Баяндай... У него, значит, работаешь? Знаю, слышал. Мой отец с ним хорошо знаком, – скорей про себя, чем обращаясь к Дынсеме, вслух размышлял Гылык. – И часто за ягодами ходишь?

Гылык задал этот вопрос уже Дынсеме. Она не отвечала, лишь дрожала всем телом. Гылык осмотрел написанное и, запынаясь, прочитал: «Гы... лык... Дынс...»

Он изо всей силы всадил свой охотничий нож в дерево и, повернувшись к Дынсеме, сказал, как отрубил:

– Ты переедешь к нам. Мой отец отдаст Баяндаю все, что Баяндай запросит. Будешь моей женой!

Затем выдернул нож и пошел в другой угол, где, прислоненное к стене, отдыхало его охотничье ружье, а на полу валялась подстреленная утка. Он поднял утку и обратился в тот угол, где лежала Дынсема:

– Варить умеешь? И шить?..

Другой Гылык стоит перед этими грубо вырезанными буквами – лицо избороздено морщинами, появилась борода.

Гылык выхватил нож, явно намереваясь дописать имя Дынсемы, но в это время отворилась дверь и вошел его товарищ.

– Послушай, Гылык! Этот старик... – Галсан захохотал, не в силах договорить.

Гылык спрятал нож в ножны и, находясь все еще во власти воспоминаний, безучастно спросил:

– Ну и что этот старик?

– Радовался, как ребенок. Все говорил про царство небесное. И знаешь, как от него я отделался?

– Как?

– Спровадил его туда.

– На небо? – вырвалось у Гылыка.

– Душа его достигла неба, а тело скатилось вниз. С соседней скалы.

Гылык откачнулся и замер, полузакрыв глаза. Он, видимо, представил себе, как этот полусвятой, выживший из ума старик-отшельник летит со скалы.

– Зачем ты это сделал?

Галсан, не ожидавший таких слов от Гылыка, удивленно посмотрел на него. Потом улыбнулся, покачал головой:

– Ясно. Подержал свою бабу за подол и – расслаб. Эх!

Но Гылык упрямо покачал головой:

– Неладное сделал!

Это упрямство уже не на шутку рассердило Галсана.

– А ты сам что сделал под Верхнеудинском, когда зарубил...

– Замолчи! – крикнул Гылык. Холодное бешенство засверкало в глазах. – Убью!

Его спутник испытующе посмотрел на него, потом подошел, выхватил у Гылыка нож из ножен и подал ему:

– Ты меня не убьешь. Наши судьбы спаяны кровью. Мы сначала расправимся с этими, с красными.

Галсан знал, что говорил. Упоминание о красных заставило Гылыка взять себя в руки. Глухо, как бы признавая свою вину, он спросил:

– Галсан! Думаешь, они гонятся за нами?

Галсан презрительно усмехнулся:

– Конечно, нет. Они не такие дураки, чтобы гоняться по тайге за каждым семеновцем! Но... рано или поздно красные найдут твой след, сожгут твой дом, отберут скот, жену, а тебя... – Галсан выразительно провел ладонью по горлу. – Назад дороги нет.

ЛЮДИ НОВОГО МИРА

– Эту избушку могу освободить...

Старик Ахсай вводит незваных гостей, продрогших и усталых, в нетопленную темную избушку. Она служит для хозяев чем-то вроде склада или амбара: тут хранятся и тележные колеса, и шубы, по стенам висят шкуры и шкурки зверей.

– Баир, Содном! – окликнул бойцов командир, худощавый мужчина в поношенной куртке. – Будем устраиваться. Организуйте!

Увидев, как забежали бойцы, засуетился и Ахсай. Схватив в охапку новую медвежью доху, он выбегает, и на дворе раздается его густой бас:

– Дынсема! Абида! Идите перетаскивать вещи!

– А зачем? Мы же их не возьмем! – удивился кто-то.

Но вошли друг за другом Абида и Дынсема и начали нагружать себя шубами и шкурами.

– Ребята, помогай!

– Эй, хороши шкуры да шубы! Поспать бы на них! – хватая лисью шкуру, прищелкнул языком Баир – самый молодой в отряде боец.

Двое подняли большое тележное колесо, один извлек из угла массивного бронзового божка, проговорил:

– А этот-то нам зачем?

В избушке стало чисто.

– А теперь тащи дрова! Греться будем!

Весело потрескивает огонь в избе. Бойцы расположились прямо на полу, на шинелях, на поклаже, подложив под головы седла.

Входит Абида с вязанкой хвороста.

– Вот спасибо, парень, – говорит Содном. Он возится около огня, устанавливая большой котел с водой. Абида, бросив хворост, повернулся, чтобы уйти.

– Посиди с нами, поговорим.

Абида неуверенно топчется на месте. Содном усаживает его рядом с собой.

– Как тебя зовут?

Абида молчит, исподлобья поглядывая на бойцов. Те весело разглядывают мальчика. Со всех сторон сыплются вопросы:

– Сын, что ли, этому старику?

– Сколько тебе лет?

Абида молчит.

– Да он глухой!

Абида смущенно произносит:

– Не-ет.

– Смотри, какой гордый. Богатый, нойон, наверно: разговаривать не хочет. По шапке можно догадаться. – Один из бойцов нахлобучивает мальчику на лоб его старую дырявую шапку. Бойцы смеются.

Содном широко улыбается:

– Не обижайте парня. У меня сейчас такой же юрту охраняет. – Он порылся в кармане своей гимнастерки, достал оттуда красную звездочку. – На, носи.

Открылась дверь – Ахсай, Он мрачен.

– Абида!

Абида испуганно вскакивает на ноги и, зажав звездочку в ладони, выбегает.

Ночь опустилась на убулжон Ахсяя. Иссиня-черная бездна неба покрыта редкими, но крупными звездами. Дверь избушки, где разместились гости, то и дело открывается, кидая наружу длинную полосу света. Там слышен ровный говор людей.

За коровником, с подветренной стороны, жмутся друг к другу и жуют сено лошади приезжих. Зябко поживаясь, ходит возле лошадей Баир. Он сейчас в карауле. Боец сожалеюще замечает, как

быстро исчезает сено, подброшенное лошадям. И кидает взгляд на огороженный редкими жердинками стог, стоящий неподалеку.

Заскрипела громоздкая дверь коровника, оттуда вышла женщина и с трудом начала запира́ть дверь. Это Дынсема. Баир приблизился к ней. Узнал и заулыбался:

– А, это вы...

Дынсема уже заперла дверь на запор, взяла большое деревянное ведро – хунэг – и, стараясь обойти стороной Баира, преградившего путь, сухо говорит:

– Дайте пройти!

Баиру не хочется, чтобы молодая женщина так быстро ушла домой. Он неохотно уступает дорогу. С мольбой в голосе вымолвил:

– Скажите хоть ваше имя!

Но она поспешно уходит в дом, и Баир остается один.

В избушке догорает огонь в очаге. Некоторые уже растянулись на полу, другие завершают свой скудный ужин, хлебая из походных котелков.

Степан, могучий русский парень, с небольшой округлой бородкой, достал из сумки карту и, напрягая зрение, рассматривает ее, прикладывая линейку. Командир Ширеторов сидит рядом и с уважением следит за ученым занятием Степана.

– Карта ни к черту не годится! – Степан сердито ворчит в усы. – Где же ущелье Зурхэн-Хады? По карте мы уже должны миновать его.

– А мы это у старика спросим, – спокойно произнес Ширеторов.

– Товарищ Ширеторов, – приподнялся на локте один из красноармейцев. Упоминание о старике, как видно, крепко задело его. – Продукты кончились, а старый черт, хозяин, отказался продать хотя бы телка.

– Жадный! Видел, сколько у него коров? – подхватил другой.

– А насчет мяса... – задумчиво добавил третий, – ...придется своей башкой...

Кто-то негромко засмеялся. Ширеторов строго смотрит на бойцов:

– Мы с ним еще столкнемся. Только не своевольничать, мы не разбойники!

Раскрылась дверь, и вошла шабганса с перекошенным от возмущения лицом. В руках у нее фигура бронзового божка.

– Откуда свалились вы нам на голову! Грех на вас неисчислимый! – негодует она.

– Что случилось? – встали навстречу ей Ширеторов и Степан.

– Разве можно бросать бога на землю? Здесь он стоял и будет здесь стоять! – И старуха решительно направилась в угол, чтобы водворить на прежнее место бронзового Будду.

Но тут ее подстерегала неожиданность. Один из бойцов, лежавших на полу, встал... Шабганса замерла на месте, изумленно вытаращив глаза: боец был одет, как все, в ватные брюки, такая же гимнастерка, но по плечам струились длинные золотистые волосы.

Старуха, которая не видела вблизи русских, вдруг оказалась лицом к лицу с русской женщиной, вдобавок одетой в мужское. Вот она, воплощение всех грехов, лежащих на душах этих людей.

От неожиданности старуха уронила бронзового божка. Молитвенно сложила руки и попятилась назад, бормоча про себя бессвязные слова. Засмеявшись, встал Содном, поднял с пола бронзовую фигурку и уже у двери сунул ее в руки старухе:

– Разве можно бросать бога на землю? Грех на вас падет!

– Нехорошо над старым человеком шутить! – сказал один из бойцов, старый бурят, закуривая трубку.

Однако и он не удержался от смеха: видно, вспомнил выражение лица старухи.

Ночь. Звездное небо. Медленным шагом прохаживается взад и вперед Баир.

Выходит из избы Содном, подходит к Баиру: смена караула.

Храпят бойцы. Не спят лишь командир Ширеторов и Степан. Ширеторов отрывается от книги. Тихо:

– Степан! А что это – проблема?

– Проблема? – удивленно переспросил Степан.

– Тут у Ленина сказано...

– Проблема... Как бы тебе сказать... – задумывается Степан. – Вот мы: надо было уничтожить банду Баян Сагана. Это была проблема. Уничтожили. Теперь мы должны присоединиться к своим через две недели, а у нас лошади издыхают – тоже проблема. Задача, одним словом.

Ширеторов задумчиво смотрит в книгу, медленно кивает. Затем отрывается от книги, мечтательно смотрит на огонь.

– Вот смотрю я на огонь и думаю: светло сейчас на земле становится. Революция в России – как костер... На весь мир видно. А костер этот зажег – он!

Взгляд Степана тоже устремлен на язычки пламени. Голос его звучит ровно, мягко:

– Ленин... Мудрый и ясный. Близкий. От Москвы мы где? На краю земли, за самым Байкалом. А он – с нами!

Ширеторов стукнул кулаком по колену.

– Зубы изгрызу, а одолею эту науку! – Его глаза загораются при бледном свете потухающих углей непреклонной решимостью. – Войне скоро конец. Добьем гадов и будем строить нашу советскую жизнь. А для этого нужны грамотные люди. Вот, выходит, и надо готовиться...

– ...стать большим начальником при Советской власти!
– услышали Степан и Ширеторов за спиной. Обернулись – смеющееся лицо Баира.

Ширеторов серьезно посмотрел на Баира:

– А если хочешь знать – да! Что своими руками завоевал – никому другому не доверю!

У ВСЕХ СВОИ ЗАБОТЫ

Утро. Только выглянуло солнце. Открылась дверь Ахсаева дома, и на крыльцо вышла Дынсема. Торопливо направилась к коровнику. Обычный, полный хлопот день для нее начался.

В доме у Ахсая в это утро тягостная тишина. Только шабганса бормочет слова молитвы, то и дело закатывая вверх глаза. Жалмасу сидит и вяжет чулок. Мысли ее сейчас далеко. Глава дома, Ахсай, сидит за низеньким столом и допивает чай. Чай горяч, и старик время от времени, пыхтя и отдуваясь, вытирает со лба крупные капли пота.

– Совершается то, что было предсказано светлейшим гэгэном: «И будет смута великая на свете. Огненный змей обовьет кругом землю. И начнется тогда война Шамбалы...» – шепчет шабганса.

– Греховодница! Под мужчину вырядилась! – качает головой Жалмасу. – И вместе спит?

Слова эти обращены к старухе, и та, уже погрузившаяся было в свою молитву, коротко бросает:

– Вместе. В обнимку.

Жалмасу загорается от любопытства. Она не прочь вдаваться в подробности, но с опаской смотрит на мужа.

Старик Ахсай в глубокой задумчивости допил чай, вытер лицо и решительно подвел итог своим размышлениям:

– Это – они!

– Кто – «они»? Люди, звери, черти? – беспокойно спросила Жалмасу.

– Не знаю, кто они, откуда. Но твердо знаю: они и мой сын идут по разным дорогам.

– Много на свете дорог. Бывает, что дороги пересекаются... – вставила старуха, вздыхая.

– Не говори, чего не понимаешь! – вздрогнула Жалмасу.

Старик Ахсай подходит к божнице и, молитвенно сложив руки, шепчет:

– О, мудрый бурхан!

Дынсема занята во дворе – большими охапками раскидывает сено коровам. Изголодавшиеся за ночь коровы жадно хватают сено, бодаются, вырывая сено из рук Дынсемы. Вот Дынсема проворно захватила еще одну охапку большими деревянными вилами. Ее останавливает голос:

– Амар сайн, хозяйюшка!

Обернулась – перед ней Ширеторов, военный человек с внешностью мирного скотовода.

– Как вас зовут? Не успел вчера спросить.

– Дынсема, – молодая женщина не хотела разговаривать ни с кем из отряда, но что-то располагающее есть в этом человеке и она охотно заговорила с ним.

– Дай-ка мне, Дынсема. Давно не таскал сена.– Ширеторов вытряхнул из вил небольшую охапку Дынсемы, подошел к копне и рывком подхватил почти половину ее. И легко понес полкопны, умело раскидывая перед коровами. Дынсема пошла след за ним.

– Хватит им на сегодня, – улыбнулась она и взяла из рук Ширеторова вилы. Ширеторов достал из кармана кисет, узорно вышитый, и не спеша свернул сигарку.

– Кто так красиво расшил? – женское любопытство остановило Дынсему. – Наверно, жена?

– Дочка. Подарила на дорогу.

Ширеторов затянулся табаком и, указывая на юго-восток, на цепь гор, спросил:

– Ущелье Зурхан-Хады там, что ли?

– Да. Недалеко отсюда, на заре выедешь, в полдень там будешь.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ	7
Пора таежного подснежника. <i>(Киноповесть)</i>	8
Доржи Банзаров. <i>(Историческая драма)</i>	59
Кузнецы Победы. <i>(Пьеса в трех действиях, пяти картинах)</i>	106
Кольцо декабриста. <i>(Драма в стихах)</i>	153
ВТОРАЯ ЧАСТЬ	217
Кандидат Императорского Казанского университета. <i>(Повесть о Доржи Банзарове)</i>	218
Баргуджин-Тукум. <i>(Документальная повесть)</i>	257
Слово о Будде. <i>(Поэма)</i>	285
Ветви четверостиший.....	295
Мой добрый собеседник Наван-Сэсэн. <i>(Эссэ)</i>	316
Изречения Наван-Сэсэна	345
Подвиг Урлэка Тансаева. <i>(Рассказ)</i>	350
Зори каменного века. <i>(Рассказы)</i>	357
Отлучение.....	357
Нмаль из рода Коршунов	359
Табинолы и апчероки.....	361
Три сказки.....	365
О том, как человек нашел друга	365
О дружбе обезьяны с черепахой	366
Восточная сказка о двенадцати годах.....	368
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ	369
Арадай Баатар Гэсэр-Хаан. <i>(2 үйлэтэй, 8 үзэглэлтэй жүжэг)</i>	370
Декабристын бээнэлиг. <i>(Шүлэглэмэл драма)</i>	416
ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ	481
Произведения поэтов и писателей России и других стран в переводе Н. Дамдинова	482
А.С. Пушкин	482
I. Шүлэгүүд	482
Шанха зүүн Сибириин нүхэн оёрто... ..	482
Анчар.....	483
Үүлэдэй хяра, хирын, нийдэнэ тэнгэрээр.....	485
Алдар солодо эрмэлзэлгэ.....	486
Гэгээн сэлмэг шарайгаараа.....	487
Үүлэн	488
Аршала намайгаа, нахуюнам.....	489
Танда би дуратай нэмби. Сэдьхэл соомни.....	490
Галдуулхан бэшэг.....	491
Һархагай дуун	492
Россида хоролхоошодто	493
...Дахяад үнөөхи... ..	495
Будрыс ба тэрэнэй хүбүүд	497
Оюун ухаанай хүсөөр өөртөө хүшөө	499
Татьянын Онегиндэ бэшэһэн бэшэг.....	500

Дүтэлжэ ерэбэд хашан унаагаараа...	503
II. Драматическа зохёолнууд	504
Моцарт Сальери хоёр	504
Шулуун айлшан	513
М.Ю. Лермонтов	541
Бородино	541
Аялдар хүүгэнэй түрэлгы...	544
Дулаанай оронхоо шамдажа...	545
Поэт	546
Зүгөөргүй гүнзэги...	548
Хүршэ	549
Шэбшэлгэ	550
Баряанда нууһан рыцарь	552
Набшаһан	553
Һүни хээрэ – гансаарханаа гаранам	554
Поэдэй үхэл	555
Палестинын мүшэр	557
Н.В. Гоголь. «Амятабиһан албатад» гэһэн зохёолһоо хэһэгүүд	558
В.В. Маяковский. «Ехэл һайн!»	
(<i>Октябриин поэмэ – 1, 2, 6, 10, 16, 17, 18, 19 бүлэгүүд</i>)	562
Ажаглалтанууд	591
Үндэр зургаанай үүдэн тухай бодолнууд	592
С. Есенин. Һалхин эшхэрнэ, мунгэлиг Һалхин	594
А. Твардовский.	
Сибириин галнууд	595
Байгал	600
Богоһо шулуута падуун	601
Дэлхэйн арадуудай уран зохёолой баялигһаа	
Г.Р. Хаггард. Хари холоһоо гэртээ бусалга. (<i>Романһаа хэһэг</i>)	603
И. Зиедонис. Далай дээрэ	609
И. Аузинь. Сэнхир үһээ	611
Р. Бёрнс. Дайн тухай, инаг дуран тухай мурнүүд	613
Финдлэй	615
Г. Гейне. Тухай даабаритайгаар эльгээгдэһэн хүн	617
К. Сэндберг	619
«Арад зон даа, арад зон»	619
Урда сагай япон поэдүүдэй шүлэгүүд	622
А. Рюноскэ	625
«Ду Цзы Чунь» (<i>Рассказ</i>)	625
Сэсэн ухаатанай мэргэн бодолнууд	629
Б. Абидуев. Храбрый козленок Бабана	634
В окно смотрящая луна	641
Из Киплинг. ИФ («Если»)	642
Комментарии	644